

Бальмонт К. Перевороты земного шара

Уж тысяча веков прошли над миром,
Промчались, как колонны из огня,
И мир, объятый страхом, видел четко,
Свою предощущая гибель в том,
Как половина видимой вселенной
Сокрылась в Море и ушла в ничто.

Гигантской ураган безмерной дланью
Качнул миротворение кругом,
И полосы содвинулись. И путник,
Блуждая, видит горную смолу,
Берет обломок Этны, – превращает
В воздушность пыли твердую кору,
И смотрит, нет ли в этом бледном прахе
Мозаики, где Геркуланум спит.
Где древле находилась Атлантида?

Взгляни туда, в кипящий океан,
Там корабли, что, путь не разумея,
Прибрежий дальних бросив тишину,
Доверили волнам железный якорь,
И меж обломков, скрытых там на дне,
Железный якорь в Море зацепился,
К обломкам Атлантиды он прильнул,
Вонзился в башни древней Атлантиды.

Лермонтов М.Ю. Умиравший гладиатор

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплесканьями широкая арена:
А он – пронзённый в грудь – безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...
И молит жалости напрасно мутный взор:
Надменный временщик и льстец его сенатор,
Венчают похвалой победу и позор...
Что знатным и толпе сражённый гладиатор?
Он презрен и забыт... освищенный актёр.

И кровь его течёт – последние мгновенья
Мелькают, – близок час... пред ним шумит Дунай...
И родина цветёт... свободный жизни край;
Он видит круг семьи, оставленный для брани,
Отца, простершего немеющие длани,
Зовущего к себе опоры дряхлых дней...
Детей играющих – возлюбленных детей.
Все ждут его назад с добычею и славой,
Напрасно – жалкий раб, – он пал, как зверь лесной,
Бесчувственной толпы минутною забавой...
Прости, развратный Рим, – прости, о край родной...

Не так ли ты, о европейский мир,
Когда-то пламенных мечтателей кумир,
К могиле клонишься бесславной головою,
Измученный в борьбе сомнений и страстей,
Без веры, без надежд – игралище детей,
Осмеянный ликующей толпою!

И пред кончиною ты взоры обратил
С глубоким вздохом сожаленья
На юность светлую, исполненную сил,
Которую давно для язвы просвещенья,
Для гордой роскоши беспечно ты забыл:
Стараясь заглушить последние страданья,
Ты жадно слушаешь и песни старины,
И рыцарских времён волшебные преданья —
Насмешливых льстецов несбыточные сны.

Умиравший гладиатор / Лермонтов М.Ю. Сочинения в 2-х т. Т. 1 / Сост. и комм. И.С. Чистовой. – М.: Правда, 1988. – С. 151 – 152. (720 с.)

Олейников П., 8Б

Художник Демаков Евгений Александрович, член союза художников России
«Поэт, гусар и партизан Денис Давыдов в кругу однополчан»

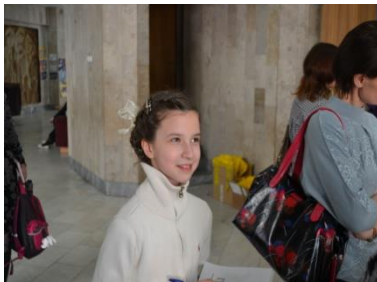
Глинка Фёдор Николаевич.

Партизан Давыдов

Усач. Умом, пером остер он, как француз,
Но саблю французам страшен:
Он не дает топтать врагам нежатых пашен
И, закрутив гусарский ус,
Вот потонул в густых лесах с отрядом —
И след простыл!.. То невидимкой он, то рядом,
То, вынырнув опять, следом
Идет за шумными французскими полками
И ловит их, как рыб, без невода, руками.
Его постель — земля, а лес дремучий — дом!

И часто он, с толпой башкир и с козаками,
И с кучей мужиков, и конных русских баб,
В мужицком армяке, хотя душой не раб,
Как вихорь, как пожар, на пушки, на обозы,
И в ночь, как домовый, тревожит вражий стан.
Но милым он дарит, в своих куплетах, розы.
Давыдов! Это ты, поэт и партизан!..

Дворская П., 5А

Чайковский Пётр Ильич

Толстой Лев Николаевич

«В один из декабрьских вечеров 1876 года в Московской консерватории происходил необычный концерт...

Программа состояла из камерных и вокальных сочинений Чайковского. В почти пустом зале, на ближайших к эстраде местах сидело всего несколько слушателей – сплошь своя, консерваторская публика. Точнее говоря, публики в зале не было вовсе.

Был, в сущности, один-единственный слушатель: Лев Николаевич Толстой.

Воспользовавшись приездом знаменитого писателя в Москву, директор консерватории Николай Григорьевич Рубинштейн устроил специально для него этот закрытый музыкальный вечер.

Так состоялось личное знакомство Чайковского с Толстым.

Они сидели рядом, и композитор, волнуясь, искоса наблюдал, как Лев Николаевич маленькими зоркими глазами из-под кустистых бровей приветливо поглядывает на эстраду, на рассаживающихся по местам участников квартета – консерваторских профессоров и педагогов; как внимательно, с нескрываемым наслаждением он слушает музыку.

Играли Первый струнный квартет. Полилась мягкая, певучая мелодия народной песни, и вдруг Петр Ильич увидел, как Толстой согнулся и закрыл лицо руками, как затряслись его плечи от сдержанного, неслышного рыдания...

Даже десять лет спустя Чайковский не мог равнодушно вспоминать об этом.

Вскоре после концерта композитор получил от автора «Войны и мира» письмо.

Петр Ильич ответил благодарственным письмом.

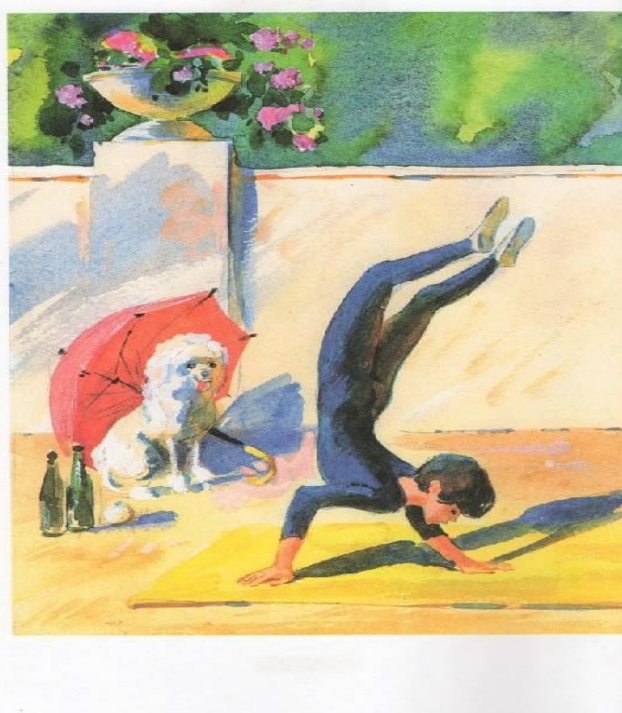
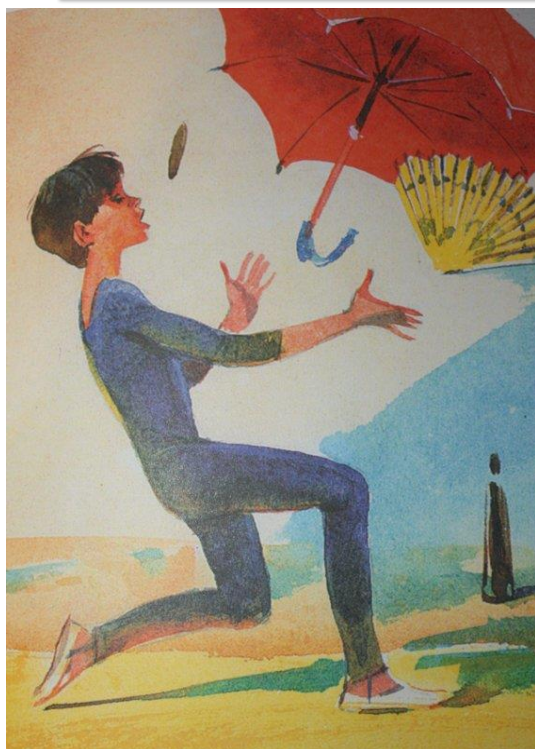
Беседы с Львом Толстым «раскрыли и разъяснили» Чайковскому многое, утвердили его в убеждении, что художник должен работать только по внутреннему побуждению, а не с расчетом на эффект, не с целью понравиться публике. ...

Они больше не встречались в жизни. Но Чайковский продолжал постоянно вспоминать своего великого собеседника. Никогда не ослабевал его интерес к гениальному писателю – к его творчеству и к его личности, к его взглядам на жизнь и на искусство, то исполненным ясной мудрости, то противоречивым или неожиданно парадоксальным».

Холодковский Владимир Вениаминович. Дом в Клину. – М.: Московский рабочий, 1959. – С. 231-232. (335 с.)

Володин Д., 5А

**Куприн Александр Иванович «Белый пудель»
Художник Дугин Владимир Александрович (1940 – 2012)**

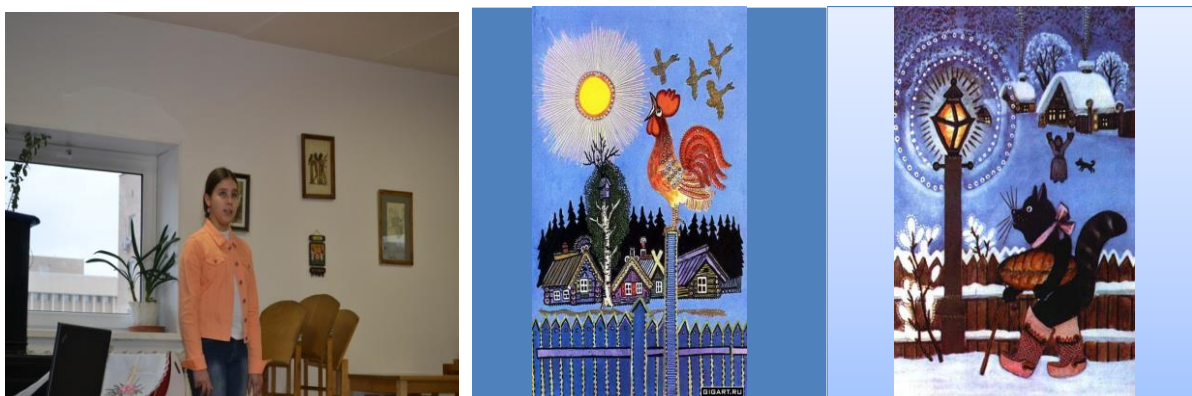
«Под хриплые, заикающиеся звуки галопа Сергей разостлал на земле коврик, быстро скинул с ног парусиновые панталоны (они были сшиты из старого мешка и сзади, на самом широком месте, украшались четырехугольным заводским клеймом), сбросил с себя старую куртку и остался в стареньком нитяном трико, которое, несмотря на многочисленные заплатки, ловко охватывало его тонкую, но сильную и гибкую фигуру. У него уже выработались, путём подражания взрослому, приёмы заправского акробата. Взбегая на коврик, он на ходу приложил руки к губам, а потом широким театральным движением размахнул их в стороны, как бы посылая публике два стремительных поцелуя.

Дедушка одной рукой непрерывно вертел ручку шарманки, извлекая из неё дребезжащий, кашляющий мотив, а другой бросал мальчику разные предметы, которые

тот искусно подхватывал на лету. Репертуар у Сергея был небольшой, но работал он хорошо, «чисто», как говорят акробаты, и с охотой. Он подкидывал вверх пустую пивную бутылку, так что она несколько раз перевёртывалась в воздухе, и вдруг, поймав её горлышком на край тарелки, несколько секунд держал её в равновесии; жонглировал четырьмя костяными шариками, а также двумя свечками, которые он одновременно ловил в подсвечники; потом играл сразу тремя различными предметами – веером, деревянной сигарой и дождевым зонтом. Все они летали у него по воздуху, не прикасаясь к земле, и вдруг сразу зонт оказался над головой, сигара – во рту, а веер кокетливо обмахивал лицо. В заключение Сергей сам несколько раз перекувырнулся на ковре, сделал «лягушку», показал «американский узел» и походил на руках. Истощив весь запас своих «трюков», он опять бросил в публику два поцелуя и, тяжело дыша, подошёл к дедушке, чтобы заменить его у шарманки».

Курприн Александр Иванович. Белый пудель. – М.: Московские учебники и Картолитография, 2007. – С. 34 – 35. (88 с.)

Никитина Е., 5А

О художнике Юрии Алексеевиче Васнецове (1900 – 1973)

«В детской книге Васнецов был человеком играющим, «хомо люденс» по-латыни. Счастливый, беззаботный хомо люденс, создатель идеального царства добра, которого до него не было в детской книге да и быть не могло. С какой торжественностью, с какой искренней верой в человека играющего обихаживал, обустроивал Васнецов свое царство: живут там в мире, в нравственной и физической чистоте, любят друг друга и находятся в согласии с самими собой и природой, словом, живут как дети. Большим ребёнком называли друзья порой этого мудрого человека, склонного к игре и празднику, к постоянному творческому труду, который тоже – из детства. Поднимается солнце, всходит луна, распускаются цветы в лесу, опадают жёлтые листья,

краснеет рябина, снег лежит шапками... Идёт жизнь природы. Звери все делом заняты, никто не бездельничает.

В лесу своя жизнь. Нарядная мама-свинка несёт в корзине розовых деток. Коза-дереза семенит с ложкой и полной миской каши, за спиной у неё в корзинке молоко в бутылочках. Рядом белые козлятки в розовых распашонках собирают незабудки.

А конёк в гости собрался. Разрисован зелёными яблоками, грива и хвост завитые. В розовых бантах! Седло с цветным узором.

Принаряжает Васнецов зверюшек, а они так и остаются зверюшками, просто жизнь у них с людьми общая... А если зверь злой, его художник редко когда нарядит, пусть остаётся голым, коль по-человечески не живётся. Зло всё-таки существует и в этом идеальном царстве-государстве. Свирепый волк несёт в пасти белого гуся, горят на синем фоне гусиные клювы, хороводом окружили птицы похитителя – великолепен цветовой и композиционный ритм этой картинки, создающий атмосферу тревоги, опасности!

Но Васнецов никогда не пугает ребёнка. Смешон волчишка-волчок, что утащил всё-таки младенца в тёмный лес. А пышный, золотом горящий ракитовый куст на их пути сем своим видом успокаивает.

Через сказку художник открывал ребёнку путь к настоящей жизни. Серьёзная вещь – искусство. А начинается с игры».

Кудрявцева Лидия Степановна. Собеседники поэзии и сказки: Об искусстве художников детской книги. – М.: Московские учебники и Картолитография, 2008. – С. 61 – 65. (288 с.)